

Приняв звонок, он закрыл глаза. Слушая низкий, бархатный голос и представляя подробно описываемую сцену, он будто наяву погружался в эту нежную, страстную томность.

— Ванна серебристая, отельный халат очень мягкий, из темно-серого бархата. Он ласкает кожу на груди... немного тесновато, но там всего один пояс — стоит слегка потянуть, и он развяжется.

— ...А под ним ничего нет.

Тихое, размеренное дыхание и чарующий голос, пройдя сквозь динамик телефона, соблазнительной волной отдавались сладким трепетом по всему телу.

— Вэйду, подумай хорошенько... Где бы тебе хотелось коснуться меня сначала?

Каждый день Ли Вэйду оказывался совершенно беспомощен перед этой дразнящей любовью на расстоянии. И ведь на деле он всегда умел ублажить своего Медвежонка так, чтобы тот остался полностью доволен! Но почему же в такие моменты он так легко поддавался на его провокации?..

Понежившись, понаслаждавшись и доведя дело до конца, они все никак не могли заставить себя положить трубку.

— Ну что, спеть тебе колыбельную?

Мало того, что он отлично рисовал, так Ли Вэйду только сейчас осознал: он, оказывается, еще и поет!

Колыбельная серенада звучала невероятно нежно. Лежа на мягкой постели, Ли Вэйду будто парил в ночном небе среди звезд, глядя, как пухлые золотистые звездочки одна за другой падают вниз, затапливая все вокруг ярким сиянием.

Разве это уступало исполнению профессионалов? Если бы его Медвежонок подался в певцы, Чжу Лин давно бы остался без куска хлеба!

«Краткая разлука пылает жарче свадьбы».

Директор Ли тайком подумал, что иногда подобное разнообразие совсем не вредит.

Однако на следующее утро суровая реальность быстро поставила его на место: без Медвежонка рядом все было плохо. Ужасно плохо!

Позавтракав и приехав в офис, он взглянул сквозь панорамные окна на сверкающую башню — главную достопримечательность пышного города S. Едва Ли Вэйду собрался с духом, чтобы разгрести накопившиеся дела, как позвонила секретарь и сообщила, что к нему посетитель.

Пришел не кто иной, как старый дворецкий — дядюшка Фу.

Отец Ли Вэйду вечно пропадал на работе, а мать, словно не от мира сего, постоянно запиралась в своей комнате. В детстве, помимо Е Инь, лишь этот старый дворецкий, дядюшка Фу, как добрый дедушка, проявлял о нем заботу, подарив его мрачным детским годам хотя бы крупицу родственного тепла.

Поэтому он ни за что не стал бы пренебрегать стариком.

Достав коллекционный чай, Ли Вэйду заварил его. Аромат заполнил кабинет, но дядюшка Фу лишь дрожал и не смел ни присесть, ни сделать даже глотка.

— Молодой господин, хозяин и госпожа велели мне передать, чтобы вы непременно приехали сегодня на обед. Будьте... будьте так добры, не заставляйте старого А Фу попадать в неловкое положение... Хозяин отдельно наказал: во что бы то ни стало привезти вас...

Ли Вэйду немного растерялся.

Тихо успокоив испещренное глубокими морщинами лицо дядюшки Фу, он так и не понял, почему тот употребил слово «госпожа».

— Дядюшка Фу, раньше ты называл «госпожой» только мою маму.

Той женщине, что появилась позже, старик всегда говорил лишь «барышня», пусть даже она целыми днями одаривала его презрительными взглядами. И даже тетюшку Бай дядюшка Фу неизменно называл «госпожой Бай».

— Молодой господин... — запнулся дядюшка Фу. — Это госпожа... госпожа вернулась!

Ли Вэйду нахмурился, не совсем понимая.

— Молодой господин, госпожа вернулась! Старый А Фу и сам сначала не мог поверить, но она правда вернулась! Она снова в нашем поместье!

...

Горная дорога к усадьбе на склоне была извилистой и неровной. Небо заволокли тучи, а в воздухе явственно пахло сыростью и терпкой свежестью надвигающейся грозы.

Ли Вэйду никогда не мог стереть из памяти этот кошмар.

В мрачной, промозглой вилле раскаты грома и шум грозы не могли заглушить жуткими, словно у злого духа, воплями и плачем. Маленький Вэйду, дрожа всем телом, поднялся на второй этаж и увидел маму, лежащую на полу в луже алой крови.

Все эти годы отец твердил, будто тот все перепутал: мол, с головой у ребенка не все в порядке, бредовое расстройство, раз не может отличить сон от реальности. Однако Ли Вэйду отчетливо помнил, как от ужаса оступился и кубарем скатился с лестницы, ранив лодыжку — на том месте до сих пор оставался бледный шрам.

Потом приехала скорая, внутрь ворвались люди в белых халатах, и мама с тех пор больше никогда не возвращалась домой.

Люди вокруг шептались, будто отец в приступе домашнего насилия убил его мать, а из-за его богатства и связей полиция закрыла на это глаза. Двадцать лет назад город S был еще не таким огромным, и эта история гремела по всем улочкам и переулкам.

«Не играй с ним! Чуть что не так — не дай бог разозлишь его семейку, и тебя сбросят в реку на съедение крокодилам!»

Все детство и юность у Ли Вэйду не было ни единого друга. Все одноклассники и учителя смотрели на него со страхом и держались подальше от «сына убийцы».

После исчезновения матери из дома мгновенно испарились все ее вещи, словно этого человека никогда и не существовало.

Малышом он плакал и искал маму, но каждый раз от него разило перегаром отец — он жестоко избивал и ругал его. Даже женщина, которую отец привел позже, переняла эту привычку: она тушила окурки о его руки тонкими пальчиками с ярко-красным маникюром, оставляя шрам за шрамом.

Постепенно он перестал плакать и устраивать сцены. Душа онемела, и он даже забыл, как выглядела его родная мать.

Спустя много лет, сменив вереницу женщин, отец внезапно, словно получив небесное откровение, вознамерился вернуться к истокам.

Он неожиданно превратил поместье в подобие алтаря, повесил огромный портрет матери, демонстрируя искреннее раскаяние и преданную любовь. И, как говорили, сколько бы он потом ни развлекался на стороне, больше ни одну женщину не приводил в дом.

Все это вызывало у Ли Вэйду лишь глубочайшее отвращение и сарказм.

...

Глядя на то, как молодой господин сидит у окна, с угасшим взором, словно лишенный всяких сил и жизни, дядюшка Фу испытывал нестерпимую жалость.

Всю жизнь прослужив верой и правдой, простой старик просто не знал, какими словами его утешить.

Когда не так давно хозяин привел госпожу домой, потрясение дядюшки Фу было ничуть не меньше, чем у молодого господина. Это казалось настолько диким, словно мертвец восстал из могилы.

Но поделиться этим было не с кем: во всем доме только он один остался из тех слуг, кто проработал здесь двадцать лет. Раньше была еще уборщица, по совместительству многолетняя любовница хозяина, но ради возвращения госпожи хозяин отослал ее куда подальше. Все связи с внешними сорняками были оборваны под корень.

...Он до сих пор помнил тот вечер двадцать лет назад.

Госпожа потеряла много крови. В больнице она безудержно плакала, билась в истерике и кричала, что хочет уйти, так что хозяину пришлось приказать нескольким людям стеречь ее.

Но госпожа все равно сбежала из больницы. На улице бушевал проливной дождь, река вышла из берегов. Нанятые люди разделились на группы и с фонариками искали ее везде, но так и не нашли... А позже у огромного валуна на берегу реки они обнаружили туфли, которые были на ней в тот день.

Все эти годы абсолютно все были уверены, что доведенная до отчаяния женщина бросилась в реку и погибла...

Кто бы мог подумать, что она вернется как ни в чем не бывало!

...

— Да, тогда я долго стояла у воды, но в итоге так и не прыгнула.

Женщина кокетливо поправила спадающий на ухо очаровательный локон. На ее лице не было и тени смущения, а в глазах сверкала властная яркая красота — точно такая же решимость, с какой она когда-то, босая, искушав губы, шагала по холодной грязи затопленной дождем улицы, не обернувшись ни разу.

Ли Вэйду пристально разглядывал ее.

Весь мир бесшумно кружился в сюрреалистическом калейдоскопе бликов.

Дорогое платье, изысканный макияж, ярко-красный маникюр до самых кончиков пальцев. Похоже, она жила весьма недурно. Ее лицо было очень похоже на то, что на черно-белой фотографии. Отец уже сильно постарел, его лицо изрезали глубокие морщины, а она отлично сохранилась. словно время пощадило ее красоту, позволив и доньне оставаться невероятно пленительной.

Однако мать из его воспоминаний была утонченной, чистой и исполненной артистизма балериной.

Эта яркая женщина перед ним напоминала ее, но в то же время совсем на нее не походила.

...

Ли Вэйду не стал окликать ее и не позволил дотронуться до себя.

Отец страшно разозлился и тут же выплеснул гнев, грохнув по столу, а женщина рядом принялась мягко его успокаивать. В глазах Ли Вэйду все это выглядело до абсурда фальшиво и смехотворно.

«...Вы... Вы что, все забыли?»

В смутных воспоминаниях и вправду мелькала нежная мама. Она чистила ему яблоки, жарила куриные ножки и ласково держала за руку, когда семейный врач делал укол.

Но куда больше было извращенных, жутких воспоминаний: как она жестоко избивала его, вымещая злобу, как с плачем расцарапывала ему лицо, как даже угрожала ножом...

Он уже не помнил, кто из них в тот день приставил лезвие к его горлу — отец ли, чтобы пригрозить ей, или она, чтобы надавить на отца. В любом случае это была лишь очередная бесконечная перебранка, а он в очередной раз рыдал в роли дрожащего от ужаса реквизита, безумно боясь, что холодное лезвие действительно перережет ему шею.

<http://bllate.org/book/18382/1767903>